

Советская Россия
31 янв. 1988

ЗА СТРАНИЦАМИ КНИГ

В ГОСТЯХ У ОСТРОВСКОГО

Поиски людей, которые встречались с Николаем Островским, привели меня на сей раз к Райсе Федоровне Армяновой, проживающей в североосетинском городе Моздок и работающей там методистом районного Дома культуры. Мне сообщила о ней ее давнишняя подруга Людмила Харченко, та самая, которой адресовано одно из интереснейших писем Островского, вошедшее в собрание его сочинений как письмо «читательнице — комсомолке Харченко». По ее словам, Рая Армянова была дважды в гостях у Островского, и о том вряд ли кто ведал.

«Что я знаю о ней? — писала Харченко. — В 1935 году (или в начале 1936-го) я вместе с братом Колей Ковалевым и его семьей поехала в г. Моздок. Брата избрали первым секретарем райкома комсомола, а Рая работала в райкоме его помощником или попросту техническим секретарем. Она же была секретарем комсомольской ячейки при райкоме».

Харченко помогла представить внешность Армяновой тех лет:

«Была она чуть выше среднего роста, с тонкой, как жало у осы, талией (хорошая фигурка была у нее)... Полукружью черных бровей, огромные черные глаза, вздернутый нос, припухлый рот и жемчужные зубы. Красивая, была дьявольски!»

Когда брата перевели работать в Пятигорск, я осталась в Моздоке без квартиры, под открытым небом. Рая забрала меня к себе, в свою многочисленную семью. «В тесноте, да не в обиде», — сказала она».

Читая письмо Харченко, я проникся доверием к Армяновой и попросил ее рассказать о своих встречах с Островским. Она долго не отвечала. Тогда я снова написал отзывчивой Людмиле Ивановне. Та связалась с Моздоком. И, наконец, прибыл ответ.

Райса Федоровна Армянова представила свои воспоминания о двух встречах с Островским письмом, в котором объяснила свое молчание:

«Говорят, что писателю трудно обнажить себя в своих произведениях. Представьте, как это трудно делать заурядному человеку. Ведь поводом к рассказу Николая о девушке-комсомолке послужила я. Это и смущало».

Что за рассказ — узнаем позже. Хорошо, что Райса Федоровна преодолела свое смущение. За это мы ей искренне благодарны.

Теперь обратимся к ее воспоминаниям.

...1 мая 1934 года девушка решила провести в Сочи со своими сочинскими друзьями. После демонстрации их группа разбрелась: из одиннадцати осталось пятеро. И тут у ребят возникла идея пойти к Островскому: они не раз уже бывали у него. Рая тогда еще ничего не знала об Островском и потому, естественно, спросила: «А кто он?». Ответ ошеломил ее: «О! Это такой человек, такой человек! Но он прикован к постели, слепой...».

«Как же можно идти к нему в гости? — подумала она. — Ему, вероятно, белый свет не мил». И решила: «Нет, не пойду».

Товарищи пытались уговорить ее, а она уперлась — не пойду!

Кончилось тем, что ее обозвали душой и сказали, что если она действительно не пойдет, то будет всю жизнь жалеть об этом.

Поехивало...

И вот они впятером отправились на Среховую, 42.

«...В глубине двора стоял домик, скрытый зеленью деревьев и кустов... В первой комнате нас встретила мать Николая — маленькая, щупленькая женщина, в темно-синем кашемировом платье, лицо смугловатое, с морщинками в углах глаз и рта. С высоты моих воспоминаний лет она показалась мне старушкой. Значительно позже я поняла, что она выглядела и держалась молодцом. Мать провела нас в комнату Николая и сказала: — Коля, к тебе пришли».

То, что затем произошло, поразило девушку еще больше того, что она совсем недавно услышала от ребят. Они шумно ввалились в комнату и загалдели: «Угадай, кто пришел». И Островский, улыбаясь, назвал всех по именам и добавил: «С вами еще одна девушка, имени ее еще не знаю».

Рая назвала себя.

Сперва ей было не по себе. Но

скоро она освоилась. И навсегда осталась в памяти маленькая, более чем скромно обставленная комната Островского: железная кровать, на которой он лежал, в простенке между двумя окнами, откуда открывался вид на горы, стол, этажерка с книгами и еще одна маленькая висючая этажерка у его ног, три-четыре стула.

...Речь зашла о книге Островского, которая только что вышла. Островский обратился к одному из ребят:

— Максим, возьми ее с этажерки: на второй полке, третья слева. Тот пошел к окну, где у стены стояла этажерка. Но Островский остановил его:

— Да не там, вот здесь, у меня. Максим возвратился к маленькой этажерке из двух полок, висевшей на стене у ног Островского.

— Найди страницу (Островский назвал ее) и начни со строки (он назвал и строку) снизу. Читай.

Рая АРМЯНОВА.

Когда чтение закончилось, Островский спросил:

— Ну как? Что вы думаете об этом месте?

Ребята пробыли у Островского около двух часов. Рая обратила внимание на то, что палочка с марлей, которая была зажата в его правой руке, стала все чаще и чаще касаться его лба, вытирая пот. И тогда она дала понять своим друзьям, что пора уходить. Один из них попросил у Островского книгу. Тот охотно дал, предупредив: «Только не испачкать».

После этого они шумно, как и вошли, распростались.

Впечатление от этой первой встречи было столь сильным, что девушка снова захотелось повидать Островского; все время перед глазами стояло его вдохновенное лицо, слышался его порывистый голос. И спустя два дня, 3 мая, она, теперь уже одна, отправилась на Ореховую, 42.

Стоило ей переступить порог уже знакомой комнаты, как Островский утвердительно спросил:

— Ты пришла?

Казалось, он ждал ее и верил в то, что она вот-вот придет.

Она ответила:

— Да.

— Хорошо. Садись. Ты понравилась моей матери, — сказал он просто, непринужденно, как старой знакомой.

Девушка смутилась:

— Чем?

— Не знаю. Она так сказала. (Матери Островского не было в то время дома.)

Неожиданно он попросил ее встать и нагнуться к его глазам.

— Я хочу тебя рассмотреть. Поверни лицо так, чтобы на него падал свет и чтобы оно было ближе к моему левому глазу и обращено ко мне.

Она выполнила его просьбу. Он же продолжал:

— Правым глазом я совсем не

вижу, а левым немножко вижу, как сквозь густую вуаль, как отражение в воде. Все люди у меня удивительно красивы.

Она улыбнулась от мысли, что не явится исключением. Он же, оглядев ее, произнес:

— Теперь я понимаю, почему Максим скакал здесь козлом.

Девушка промолчала. Островский задумался.

— Знаешь, а тебе нужен не такой парень, — сказал он решительно. — Тебе нужен совсем другой человек. Ты извини, я не знаю ваших отношений, но я говорю то, что чувствую. Однажды я изменил этому принципу, не сказал того, что думал, и жалею о том до сих пор.

В этой-то связи и возник рассказ о девушке-комсомолке, который буквально вырвался из уст Островского.

— Я работал тогда в Берездове. Была у нас девушка-комсомолка, очень красивая: лицо, фигура, вся как выточенная. Пышные волосы. Ребята, конечно, за ней увивались. И не один делал ей предложение. Но все получали отказ. Девушка умная, серьезная. Она тогда считала, что еще не время думать о замужестве.

А тут появился у нас новый парень. Ему девушка, конечно, тоже понравилась, и он стал за ней ухлестывать. Ребята посмеивались: напрасно, мол, подметки изнашиваешь, у нас ничего не вышло, и у тебя ничего не выйдет. Но парень был жох: даже поспорил на то, что девушка будет его. Через некоторое время он сделал ей предложение. И получил, разумеется, отказ. Это, однако, не остановило его. Он привился еще настойчивее за ней ухаживать, клялся в любви, умолял. Девушка была непреклонна. Над парнем уже подтрунивали: «Ну что, удалось? Проспорил!». Он же спокойно в ответ: «Смеется тот, кто смеется последним». И продолжал свое: говорил ей, что не может без нее жить, пугал самоубийством. Жал, в общем, как мог. И в конце концов своего добился: вымолил согласие на женитьбу.

Но девушка решила до того посоветоваться со мной. Пришла и спрашивает: «Как ты думаешь, Коля, он парень неплохой?». Я сперва хотел сказать то, что думаю, отвести ее от него. А потом поразмыслил: если она согласилась идти за него замуж, значит любит. Чувство это нужно беречь. Да и парень может опомниться, когда поймет, что тут все серьезно. В общем, либеральничал и утешил ее: «Парень неплохой». Она, конечно, только того и ждала.

Поженились они.

Парень тот оказался подлецом, да еще каким! После первой же брачной ночи он заявил: «А теперь можешь катиться ко всем чертям. Я поспорил с ребятами, что ты будешь моей, и своего добился!».

Вот он какой был...

Островский умолял. Молчала и Рая, встревоженная и огорченная услышанным.

— Тебя, вероятно, интересует судьба девушки, которая была нашей общей любимницей, — продолжал он через некоторое время. — Девушка жестоко полатилась за свою доверчивость, но она и жестоко расправилась с негодяем. Она тут же схватила наган с тумбочки, стоявшей у кровати, и в упор выстрелила в парня: он был убит наповал. Потом шло следствие. Был суд. Мы принимали все меры, чтобы спасти девушку. И нам это удалось: ей дали какой-то срок лишь условно. Но до чего она после этого изменилась: из веселой, общительной стала замкнутой...

Островский снова умолял. Потом, как бы оправдываясь, сказал:

— С тех пор я никогда не скрываю своих чувств и говорю то, что думаю. Ты уж на меня не обижайся...

Рая Армянова не обиделась. Она прислушалась к словам Островского, и они помогли ей повзрослеть.

Семен ТРЕГУБ.